

В Диссертационный совет МГУ.051.4
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова
г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13-14,
4-ый учебный корпус,
Юридический факультет

ОТЗЫВ

**официального оппонента на диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук Трущаловой Татьяны Олеговны на тему:
«Дистанционное электронное голосование в системе прямого народовластия в России» по специальности 5.1.2. – Публично-правовые (государственно-правовые науки)**

Диссертация Т.О. Трущаловой является самостоятельным целостным научным исследованием, представляющим собой актуальность и значимость для современной науки конституционного права.

Использование в деятельности государства инструментов из области информационно-коммуникационных технологий, к числу которых относится и дистанционное электронное голосование, обусловлено как стремительным развитием самих информационных технологий, так и объективным запросом современного общества на предоставление гражданам возможности для реализации основных прав и свобод в условиях цифровой среды.

Своевременно обращаясь к вопросу о необходимости создания правовых условий для использования дистанционного электронного голосования, автор работы Трущалова Т.О. выбрала весьма интересный ракурс своего исследования, безусловно, отличающийся новизной и актуальностью, - формирование научно обоснованной правовой концепции дистанционного электронного голосования в системе прямого народовластия.

Несмотря на то, что проблемы использования информационно-коммуникационных технологий для взаимодействия государства и граждан далеки от своего разрешения, автору в результате проделанной работы

удалось обогатить юридическую науку, высказав ряд собственных, обладающих новизной теоретических выводов и практических рекомендаций.

Следует поддержать аргументированный вывод автора, сформулированный в первом положении, выносимом на защиту, о том что дистанционное электронное голосование является самостоятельным *способом голосования* и в конституционно-правовом дискурсе должно рассматриваться исключительно *в качестве инструмента*, способствующего осуществлению народовластия и направленного на реализацию и развитие различных форм непосредственной демократии как императивных, так и консультативных (с. 13). Данная мысль неоднократно высказывается и в тексте самой работы, и развивается в следующих положениях, выносимых на защиту и подчеркивающих авторскую концепцию дистанционного электронного голосования в системе прямого народовластия в Российской Федерации.

Интересно, что в положении 3, выносимом на защиту, автор отмечает, что участие в дистанционном электронном голосовании представляет собой не самостоятельное право гражданина, а *одну из форм реализации права* на участие в управлении делами государства (с. 16, 72, 80 и др.). Хотя данное утверждение неоспорно, в целом с ним можно согласиться.

Заслуживает внимания система базовых принципов участия граждан в дистанционном электронном голосовании, предложенная автором (положение 5, выносимое на защиту, с. 17, с. 96). Вместе с тем при более пристальном и критическом анализе предложенных принципов, можно обратить внимание на их универсальность и применимость к традиционному голосованию с помощью бумажных бюллетеней в том числе.

Автор верно отмечает и следует солидаризироваться с его позицией, что на сегодняшний день участие граждан в дистанционном электронном голосовании при проведении выборов и референдума ввиду пробельности и неопределенности избирательного законодательства не является

гарантированным способом реализации активного избирательного права, поскольку возможность такого участия изначально зависит от устанавливаемых законодательством организационных условий (положение 7, выносимое на защиту, с. 18).

Несомненно, ценной и репрезентативной является апробация результатов научного исследования, которая выражается не только в научно-исследовательской, экспертной и учебной деятельности, но и в практическом аспекте, поскольку Татьяна Олеговна принимала непосредственное участие в процессе правового обеспечения деятельности территориальной избирательной комиссии дистанционного электронного голосования на выборах в 2021 и 2022 годах.

Рассматривая понятие дистанционного электронного голосования и проблему его правового определения, автор обосновывает вывод о неизменности технократического подхода к нормативному определению дистанционного электронного голосования в формах непосредственного волеизъявления граждан, которые предусматривают возможность его проведения в России (с. 37, 43, 73, 82 и др.). С данным выводом нет оснований не согласиться.

В научной литературе высказывается позиция, что альтернативные (дистанционные) способы голосования могут применяться только в тех случаях, когда избиратели в силу своего специального конституционно-правового статуса не могут воспользоваться привычными способами голосования. Об этом автор исследования пишет в своих рассуждениях о ДЭГ как способе правоприменения (с. 63-64). Далее Татьяна Олеговна делает вывод, что именно в ситуации, когда существует реальное препятствие для осуществления активного избирательного права путем традиционного голосования бумажными бюллетенями, дистанционное электронное голосование *можно рассматривать в качестве субсидиарного способа реализации активного избирательного права, а также в качестве дополнительной гарантии его реализации*. В случае, когда участие в

дистанционном электронном голосовании становится результатом самостоятельного выбора гражданина (не обусловленного обстоятельствами, препятствующими или существенным образом затрудняющими возможность голосования на избирательном участке), необходимость определения его субсидиарной природы в контексте современных условий его применения теряет всякий смысл (с. 65).

В итоге автор резюмирует, что *участие граждан в дистанционном электронном голосовании на выборах* в России фактически является *основным способом реализации* активного избирательного права в российской модели дистанционного электронного голосования. Исходя из данных рассуждений, получается в Российской Федерации выбор ДЭГ зависит только от самостоятельного выбора гражданина?

Заслуживает внимание часть исследования, где представлен анализ участия граждан в дистанционном электронном голосовании с позиции правореализации (с. 60-82). Автор делает следующие основные выводы: во-первых, право на участие в дистанционном электронном голосовании в контексте избирательного законодательства реализуемо только при использовании той или иной информационной системы дистанционного электронного голосования (с. 72). Во-вторых, само определение права на участие в дистанционном электронном голосовании в законодательстве в большей степени ориентировано на придание правового статуса непосредственно информационной системе дистанционного электронного голосования, нежели правовой характеристике участия граждан в дистанционном электронном голосовании (с. 73).

В целом с ними можно согласиться. Однако, видится, что нормирование права на участие в дистанционном электронном голосовании как раз-таки устанавливает «характеристики» избирателя, который вправе воспользоваться данным правом. Да, безусловно, эти характеристики сочетаются с требованиями к цифровой культуре (цифровым «качествами» избирателя). А именно: гражданин должен являться пользователем

федеральной государственной информационной системы и (или) региональной государственной информационной системы и иметь действующую подтвержденную учетную запись в этой системе. На с. 77 автор перечисляет действия, которые должен осуществить участник ДЭГ. Это вполне разумные требования для участия в дистанционном электронном голосовании. Ведь, чтобы проголосовать в традиционной форме тоже требуется выполнить определенные условия: как минимум дойти до соответствующего помещения (избирательного участка) для голосования, пройти процедуру идентификации личности, расписаться в получении бюллетеня, осуществить тайное голосование в кабине и тд.

Получается, и дистанционное электронное голосование, и голосование на избирательном участке бумажными бюллетенями детерминируют пусть и разные, но требования и к избирателю, и к организации избирательного процесса. *Это, с одной стороны, подтверждает вывод автор, что дистанционное электронное голосование является способом голосования, а с другой, опровергает вывод исключительно о его «технократическом» определении.*

В параграфе 3 заключительной главы диссертационного исследования автор с точки зрения конституционного права выделяет и оценивает проявление влияния дистанционного электронного голосования на избирательный процесс. При этом Т.О. Трущалова указывает 4 аспекта (с. 132-154): расширяется состав субъектов избирательного процесса (появляются специалисты, обладающие техническими знаниями и поддерживающие функционирование системы дистанционного электронного голосования); меняется состав и полномочия избирательных комиссий (формируется специальная избирательная комиссия – территориальная избирательная комиссия дистанционного электронного голосования (ТИК ДЭГ), наделенная ЦИК России определенными полномочиями); меняются подходы к наблюдению за выборами, на которых проводится дистанционное электронное голосование (изменились фактические требования к

наблюдателю, которые заключаются в необходимости понимать основы криптографии и знании специального программного обеспечения в данной области); установление итогов выборов требует учета итогов голосования, реализуемых традиционным и дистанционным способами.

Представленный анализ отличает уникальность авторской методики, четкость и обоснованность выводов, что безусловно характеризует диссертационное исследования Татьяны Олеговны Трущаловой как самостоятельный творческий научный труд.

Вместе с тем, общая весьма положительная характеристика диссертационного исследования Трущаловой Т.О. не исключает выделения по ее тематике дискуссионных вопросов и формулирования некоторых замечаний, которые требуют уточнения в процессе публичной защиты.

1. Автор представляет убедительные теоретические выводы о возможности применения дистанционного электронного голосования не только в императивных, но и в консультативных институтах прямого народовластия. В тоже время, практическая реализация универсального применения дистанционного электронного голосования в различных по правовой природе формах прямого народовластия видится автору в необходимости принятия правового стандарта, предполагающего установление единых правовых принципов данного способа голосования актуальных для всех форм непосредственной демократии. Каким образом, по мнению автора, может быть реализована данная идея, с учетом тех отличий, которые априори существуют для императивных и консультативных форм непосредственной демократии?

2. На с. 30 автор отмечается, что «развитие информационного общества, формирование концепции электронной демократии в России создали благоприятный образ идеи участия граждан в управлении делами государства посредством применения информационно-коммуникационных технологий, центральное место среди которых сегодня занимает категория дистанционного электронного голосования». С данным утверждением

сложно согласиться. Имеются данные социологических исследований, подтверждающие неоднозначное отношение не только граждан, но и органов публичной власти (особенно органов местного самоуправления) к цифровой трансформации каналов участия граждан в управлении делами государства (например, исследования, представленные в коллективной монографии «Юридическая урбанология. Урбанологическая теория» (М., 2021 г.). Обращался ли автор в ходе исследования к анализу участия граждан в управлении делами государства с помощью дистанционных технологий (включая дистанционное электронное голосование) с позиции мотивации граждан и органов публичной власти?

3. В контексте исследования проблем правового стандарта участия граждан в дистанционном электронном голосовании автор показывает перманентное изменение правового регулирования порядка проведения дистанционного электронного голосования (с. 90-91), сего при этом, что правовое регулирование осуществляется на уровне постановлений Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. Действительно в перспективе «от практики регулирования дистанционного электронного голосования постановлениями ЦИК России следует отойти», как пишет автор, «хотя бы в части базовых понятий и принципов» (с. 93). С этим утверждением следует согласиться. Но в современных условиях необходимости подвижного и оперативного регламентирования участия в ДЭГ такая схема нормирования видится оптимальной.

4. Сложно согласиться с утверждением автора, что в качестве «попытки преодоления проблемы цифрового неравенства в контексте применения дистанционного голосования может рассматриваться практика проведения различных поощрительных акций в целях привлечения граждан к участию в дистанционном электронном голосовании» (с. 113). Сомнительно, что розыгрыш призов на выборах (пусть и в итоге участия в дистанционном электронном голосовании) способствует преодолению цифрового неравенства.

5. Характеризуя состав и полномочия специальных избирательных комиссий, образуемых при проведении дистанционного электронного голосования, – ТИК ДЭГ, автор обосновано указывает, что вопросы деятельности ТИК ДЭГ в большей степени являются «не полномочиями избирательной комиссии в традиционном понимании, а функциями, более подходящими под функции оператора информационной системы, действующей в соответствии с протоколом» (с. 144). Далее автор отмечает: «Дистанционное электронное голосование фактически организовано таким образом, что основные действия в вопросах, связанных с проведением голосования производятся не членами избирательной комиссии, а сотрудниками иных органов государственной власти и техническими специалистами организаций» (с. 144-145). В данной ситуации интересно мнение соискателя: как урегулировать проблему? Расширить полномочия избирательных комиссий, расширить их состав за счет специалистов-операторов информационных систем или увеличить требования к кандидатам в члены избирательных комиссий, дополнив их знаниями IT-технологий и наличием высшего технического образования?

Высказанные замечания не снижают общей положительной оценки работы. Диссертация является законченным научно-исследовательским трудом, выполненным автором самостоятельно на высоком научном уровне, а теоретические выводы исследования не вызывают сомнения в их достоверности. Наличие в диссертационном исследовании дискуссионных положений служит доказательством ее научной новизны, теоретической и практической значимости, в том числе, для последующих научных изысканий.

Диссертация Трущаловой Татьяны Олеговны на тему: «Дистанционное электронное голосование в системе прямого народовластия в России» отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.1.2. Публично-

оформлена согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Соискатель Трущалова Т.О. заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые науки).

Официальный оппонент:

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
Института государственной службы и управления
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации»

ЛИПЧАНСКАЯ Мария Александровна

Контактные данные:

тел.: +7 (499) 956-90-30, e-mail: lipchanskaya-ma@ranepa.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена
диссертация: 12.00.02 «Конституционное право; конституционный судебный
процесс; муниципальное право».

Адрес места работы:

119606, Москва, проспект Вернадского, 84,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации», Институт государственной
службы и управления, кафедра государственно-правовых дисциплин.
Тел.: +7 (499) 956-90-30, e-mail: lipchanskaya-ma@ranepa.ru